

Юрий Викторович Жекотов родился в 1964 году в городе Николаевске-на-Амуре. Окончил Приморский сельскохозяйственный институт, Иркутский педагогический институт. Работал специалистом в сельском хозяйстве, учителем. Печатался в центральных и региональных изданиях. Автор книг «Зов белухи», «Солнечные хороводы» и др. Лауреат литературных конкурсов им. В.М. Шукшина «Светлые души», «Хрустальный родник», международного фестиваля «Славянские традиции — 2014» и др. Член Союза писателей России. Живет в Николаевске-на-Амуре.

Юрий Жекотов

ОХОТНИЧЬИ РАССКАЗЫ

ПОДРЕЗАННЫЕ КРЫЛЬЯ

Что за инструмент, что за музыка играет внутри широкой охотничьей души! Там и мудрые гусли, и грустная гармонь, и веселая бала-лайка... Там натянута такая чувствительные и певучие струны, там зарождается и звучит самая высокая в мире симфония!

То на краю какой-нибудь заброшенной деревушки, а то и в каменной многоэтажной коробке посреди миллионного города — ох, как, бывает, замечется-забеспокоится совестливая и глубокая охотничья натура, остро поднимая перед собой зачастую не привлекающие общественно-го внимания вопросы: где нужно пропустить гомонящий гусиный клин, расчерчивающий в небесах высокие знамения, а где, не смалодушничав, принять наизготовку ружье? Где черное, а где белое? Где можно, а где нельзя? Меря сложившимися понятиями гранки жизни, вдруг вступает охотник в мысленный разнос-разброд.

Выдавший виды, хлебнувший испытаний сполна, а то и не раз смотревший в глаза смерти, уже порядком поседевший и перетрудивший ноги, вдруг где-нибудь на привале, у костра или в таежной избушке, открывает в себе охотник только что народившегося самого несмышленного и непонятливого ребенка, готового с глубочай-

шим обожанием и восхищением учиться у своей родительницы и покровительницы природы, черпать из ее бесконечных запасников мудрые науки и непреходящие истины; подставив ладонь первым снежинкам, пытается угадать тайну их совершенной лепки и ослепительно белого узора; щуря глаза, всматривается в закаты, отчего-то наливающимися то терпким рябиновым соком, то сладким золотистым медом, ждет, что вот-вот и свершится самое главное, что он многократно выглядывал за полыхающими горизонтами...

Неизвестно, на каких крыльях и кто первый принес эту сногсшибательную и сумасбродную новость. Но на исходе зимы зародился и стал активно распространяться среди местной охотничьей братии слух, что все, отохотились, шабаш нынче весенней страде, даже помышлять не смей. Шло время, стала известна обществу и вся изнанка, весь подспудный механизм свершившегося: безбашенные экологи или «гринписцы» какие-то, черт ногу сломит, чтобы правильно произнести, как они сами себя обзывают, до того задурили мозги областным чиновникам, что у тех ум за разум зашел — покусились на святое: наложили запрет на весеннюю охоту, подписав какие-то важные бумажки. В общем, свернули все охотничье дело к ядерной фене. Давно хотели наши «ответственные товарищи» выпендриться на весь мир, но в экономике у них тартарарам, не склеивается, не срывается никак, не сходятся концы с концами, а тут тебе готовая идея на блюдечке с голубой каемочкой. Не мытьем так катаньем, пальцем о палец не ударив, в одночасье записались в правофланговые и передовые.

Охотничью ситуацию усугубляло и то, что был пропущен и предыдущий весенний сезон по причине объявления угрозы мирового масштаба — птичьего гриппа.

И покатился ропот среди охотничьего люда, не то чтобы там революция намечалась или открытый протест, а самое отчаянное недопонимание... В глаза любому местному охотнику глянуть — обнаружится там такая глубокая тоска и безысходность, никакой разговор на посторонние темы не клеится, а про охоту лучше не спрашивать — душу не бередить, но все равно, куда деваться, слово за слово — вывод сам по себе напрашивается: «Дожились, дальше некуда. Все же перетерпеть можно, но чтобы так...». Находились, правда, задиристые и непокорные натуры, которые большей частью бахвалились да пар выпускали, но гоношились — перечились, что им последнее постановление не указ и свои положенные трофеи они возьмут.

Ефим Петрович Назаров, конечно же, был полностью и целиком на стороне охотников, но марку держал, в пересуды не вступал, словами не разбрасывался, не подавался в «политические» — не клял на чем свет стоит устройство жизни. Годков Петрович богато накопил — подсемидесятник, а потому позновато было грудь колесом ходить, вступать в «пугачевское» ополчение. Здоровьем и красотой-внешностью Ефим Петрович обладал обычной — пенсионной. И по молодости долго у зеркал не задерживался, а сейчас и подавно не проявлял интереса к разглядыванию своего морщинисто-антикварного отражения. Лишь мимоходом в прихожей пригладит Ефим Петрович истлевший до пепельного, но еще ершистый чуб, глянет на свое немодное изображение, подумает: «Надо чаще улыбаться, а то пень пеньком, ненароком можно и испугать своей физиономией незнакомого человека...»

А вот своей биографии Ефим Петрович не стеснялся. Оттрубил Назаров на заводе сорок пять лет, пройдя путь от ученика токаря до начальника цеха. Свою трудовую вахту прерывал лишь на службу в армии, политехнический институт окончил заочно. Привык Назаров переносить разного калибра трудности и сложности, а если нужно, то и поясок потуже затягивать, когда страна призывала терпеть-крепиться ради решения более важных государственных задач, ради светлого будущего. Во все технологические тонкости вникал сам, всегда входил в положение, легко прощал подчиненных, если те ошибались по недоразумению-по неопытности, и был непримирим с лодырями и лентяями, ответственно выполнял планы, обязательства, не пренебрегал общественными интересами.

Правда, пенсион Ефим Петрович заработал неважнецкий, но не таил обиды, не жаловался, принимал как должное. «По нынешним временам, — считал Назаров, — умопомрачительные размеры пенсий — это рядовое явление. А какие могут быть ему привилегии? Чем он лучше других? Все пахали — вкалывали для страны, для народа...»

К тому же запросов больших Ефим Петрович не имел и считал, что им в складчину с супругой Марией Антоновной живется вполне сносно. Но все же, чтобы не считать каждую копейку, внучат достойно встречать, если нужно, то и детям подбросить тыщенку-другую, устроился Ефим Петрович сторожем в школе.

Назаров до свалившейся невесть откуда эпидемии птичьего гриппа ни одного охотничьего сезона не пропускал и нынче все пытался понять и уразуметь: «Как же такая карусель с охотой вышла? И какая надобность на этот раз в ее отмене?..» Но рабочего стажа и жизненного опыта не хватило Ефиму Петровичу, чтобы разобраться, что почем? Никак не находил он нужную успокоительную и мудрую мысль...

А между тем до привычных охотничьих дней оставалось совсем ничего. Солнышко упрямо поднималось все выше и выше. Еще и не все мелкие речушки вскрылись, Амур прочно пеленали метровые льды, а с югов первыми потянулись в местные края белые лебедушки. Натужно вытягивая длинные шеи, словно бурлаки, летели птицы по-над самой землей — тянули прицепом за собой весну. А немного погодя, с ума можно сойти, начались бесконечные небесные перезвоны, хотя, вероятно, лишь обострился до крайности слух у охотников, словно нарочно затеяли одурманивающую перекличку гусиные и журавлиные стаи. Хоть день, хоть ночь-за полночь — гомонят, выстраиваются по птичьему уставу в правильные ряды, не изменяя своим привычкам, пишут по бескрайнему синему своду мудрой вязью такие радостные строчки и главы. И сами по себе растут у людей крылья, хочется начхать и плюнуть на все «нельзя» и «не можно», надуманные условности и вычурные обстоятельства, непременно отправиться за вольными гусями-лебедями в небесную путь-дорогу...

Ефим Петрович держался, степенился, но подперло — невмоготу! Не смог с собой совладать. Сорвался с катушек. За ночь на кухне снарядил патроны, забил ими патронташ, очистил тулку от смазки. Хотел улизнуть, не спросившись, утайкой. Но куда там! Жена все давно прочухала, старой закалки Мария Антоновна — чтящая закон и правду, встала баррикадой у двери:

— Ты думаешь, чего творишь-то?! А если поймают? Позор! Вовеки не отмоемся!

— Да какой позор? Чучела даже с собой не беру. Просто поброжу с

ружьем, и все. Что ты в самом деле? Не придумывай лишнего. Слова-то какие нашла...

— Может, не надо, Ефим? — без большой надежды, но с глазами, наполненными влагой, того и гляди прыснут наружу слезы, пыталась Мария Антоновна отговорить супруга от охотничьего вояжа.

— Все! Решено! Нечего тень на плетень наводить. Никакого криминала. Ну что я, преступник, что ли? Чего меня сторожить? — проявил настойчивость охотник.

Ушел Петрович на охоту не как раньше — с чистым сердцем, за радостью-за праздником, а с переживаньем — головной болью: «Вот половинка моя драгоценная — супружница, теперь беспокойства не уймет, работает бессонницу...»

На автобусе Назаров доехал до нужной остановки. А там сошел с дороги, не утерпел, собрал тут же ружье, потопал к знакомой речушке. Машину слышал на дороге, пригнул спину, чтобы ненароком не заметили. Сам же себе удивился: «Это в какие-то века записался в партизаны». Виноватно огляделся по сторонам Ефим Петрович, словно испрашивая разрешения на свой таежный поход у кривоватых, не разгонистых по заболоченным почвам берез и прошлогодних пожухших трав, прикусил губу от неудовольствия самим же собой, вроде завелась в нем какая-то червоточинка...

Идет к заветному месту, мысли голову беспорядочно таранят, куда от них деться: «Домашнюю животинку, получается, можно держать-кормить, а потом — в забой, а дикую — не смей трогать. А это ведь только на первый взгляд охота и экология — понятия несовместимые. Есть общепризнанный и научно подтвержденный факт: охотники — самые главные защитники природы! В охотничьих угодьях диких зверей зачастую больше, чем в заповедниках. Охотник себе не враг, живет за счет добычи зверя, если нужно — подкормит зверюшек. Для соболюшек и колонков в снежную зиму оттрелюет в лес какую-нибудь павшую скотинку, завезет сои для фазанов, завалит в распадке несколько старых деревьев, чтобы обгладывали ветки зайцы и лоси, никогда не уничтожит основное маточное стадо копытных, потому что тогда и его доход упадет. Чужой в охотничьи владения не забредет, не захозяйничает, тут с прищипкой разговор короткий. В заповеднике же и заказниках сотрудники на окладах... А есть ли совесть, нет ли ее у государственных служащих — это другой вопрос...

Или взять хотя бы вот эту весеннюю охоту. А если селезня-крякаша сверх нормы, и гнездованию он бывает даже помеха, потому что в своей неумной страсти сгоняет утку с гнезда. Что тогда прикажете делать? Может, если и изъять селезня кряквы чуток, то вовсе не во вред, а на пользу делу пойдет. Такие версии и предложения у липовых защитников природы не в учет...

Эх, эти ученые-кипяченые замутили воду. Перевернули все с ног на голову. И получились выпендрож и гольная показуха. А охотник крайним оказался. Охотника вычеркнули из расписания. Охотник никому не нужен...

С ружьем все же, как с надеждой и посохом, и калика перехожий утешится, и обессиленный путник обопрется... С ружьем, если в нужные руки попало, то сразу видны твое нутро, твой запал, твоя карьера и твоя будущность. С ружьем могут сразу принять тебя в княжескую дружину или назначить визирем солнца, ни много ни мало — стражником и охранником зорь...»

Речушка в засушливое лето — с разгону перепрыгнуть можно — на перекатах воды по щиколотку, сейчас взбеленилась, зажатая меж сопок капризно поднимала буруны, а на равнине, самовольно устраивая себе границы, разлилась на десятки сажен.

Когда Ефим Петрович вышел к разливу, сделал несколько шагов вдоль новоиспеченного берега с куртинками слежавшегося снега, ему сразу попала в глаза пара крякв. Спрятался охотник за прибрежные заросли, наблюдает.

Кавалер-селезень весь показной, нарядный, ярко одетый, кивает-кланяется зеленой головой, обрамленной белым ободком, сверкает фиолетовыми погонами-зеркалами на крыльях, обихаживает более скромно оперенную и осторожную утицу. Но и той партнер по нраву, играет она с ним в свою игру, побрякивает, приседает, прихорашивается, призывно плещется в водиче. Страсти-то какие! И нет силы против любви! Идиллия. Уж сколько видал Петрович такие сцены, а все равно каждый раз все по-новому, необычно, придумано свыше...

Вдруг шум-свист раздался не ко времени — с бухты-барухты, словно недопеченные лепешки с небесной скоророды, плюхнулись неподалеку от парочки два селезня. Не спросясь, не церемонясь, нахально загребли к сложившейся паре.

«Вот же донжуаны, казановы! — чертыхнулся Петрович, переломил двустволку, машинально вогнал дробовые патроны, вскинул ружье. Не удержался охотник, бахнул по передовому яркоголовому приبلуде. Кряквы снялись вразброд. Парочка в одну сторону, а селезень без связки — в другую. Один крякаш остался недвижимым. А у охотника сразу другая забота: «Ну, саданул, а теперь достать надо». Был на этот случай у Петровича моток лески с небольшим грузилом и якорьком. Приспособился за долгую охотничью практику, когда не было лодки под рукой, метал снасть, рыбацкий опыт к тому же помогал, вытягивал добычу на берег. Но тут не забросишь до цели, ветки деревьев мешают, да и место закоряжено.

А трофей понемногу, по чуть-чуть, поводило в весенних сумбурных струях воды, да и вынесло на стрежень. Самый золотой, единственный трофей потащило вниз по течению.

«Уйдет же, сгинет понапрасну!» — Петрович, где вприпрыжку, где бегом, огибая бочажины, поспешил за уплывающей добычей. А река становилась все полноводнее и свободнее нравом. Так бы и пропал трофей, но вмешалась в дело размашистая верба, ветки которой припали к воде. Зацепился добытый селезень за ветку, телепает его из стороны в сторону, того и гляди оторвет, понесет дальше. А в двух десятках метров от вербы — плотина-залом из поверженных деревьев. Крутит там черную воду в воронках, тянет на глубину, под коряги.

Есть шанс достать селезня, но только рискованное это дело — надо в воду лезть. Стоит ли овчинка выделки? Никто не неволит, не приказывает. Что же охота — каторга, что ли? Ведь, бывает, остаются после охоты не найденные трофеи. Может, и этот из их числа?

С поясницей Назаров почти ползими промаялся, по утрам клинило-крючило так, что, скрипя зубами, едва сползал с кровати, с охами и ахами еще по полдня расхаживался-распрямлялся. Супруга еле как примочками и мазями отходила-оттерла. Пояснице сейчас ледяная вода проти-вопоказана.

«Ну что же так тогда налево-направо стрелять ради забавы и балов-

ства! Тогда я и есть настоящий браконьер! — взвесив все за и против, со-
вестился Петрович. — Надо доставать утку. Куда деваться. Хоть хондроз-
артроз, хоть ревматизм с подагрой, а нужно открывать купальный сезон!
Была не была!»

Разоблачился охотник, ступил в воду. Река встретила негостеприим-
ным обжигающим холодом. Два шага, и уже водицы по колено. остано-
вился Петрович в нерешительности, убеждая себя: «Нечего здесь с мор-
жеванием затягивать! Нужно разом окупнуться. Тут и делов-то. Больше
стою, межуюсь». Настропалил себя, еще пару шагов в пучину сделал охот-
ник и погреб саженьками. А вот и селезень, хватил его левой рукой, а
правой давай рулить к берегу. Не тут-то было! Крутануло пловца потоком,
понесло под залом. Сплоховал-засуетился Ефим Петрович, погреб неудач-
но против течения, больше беспорядочно. Ругает себя, но не сдается, се-
лезня не отпускает: «Эх ты, гвардия изношенная! Чапай недоделан-
ный...». Кое-как взял наискосок течения. А силы уходят. Еле нащупал
дно ногами. На карачках выполз на берег и чувство реальности потерял...

Лежит Назаров, словно в преисподней: ни жив, ни мертв, ни жарко,
ни холодно. В себя стал приходить: «Вот дурень, мозги набекрень! Чего
это я разлегся? Считай не песочек у Черного моря, и ноги-то какие у
меня — обратил внимание — синюшные-пресинюшные». Выбрался на
сухое место, принудил себя: «Надо кровь разогнать! А то свалюсь в ханд-
ре-болезни...» Попрыгал, словно несмышленный дошколенок по расчер-
ченным на асфальте квадратикам, на одной ноге, на другой. Стал рубаш-
кой, как полотенцем, тело растирать до красноты — до жара. Не получив
желаемого результата, не расчувствовав разгорающегося тепла, посчитал:
«Надо прибавить задору-скорости...» И насколько возраст позволял, по-
шел по кругу вприсядку, так и оставаясь в одних подштанниках:

— Ух!.. Ах!..

В другую крайность бросило Ефима Петровича. На всякую беду стра-
ха не напасешься! Самому над собой стало смешно. То косая вплотную
приблизилась, тянула свои отполированные желтые когти-крюки к охот-
нику, а тут в танцы ударился с головой. И куда вся серьезность, регалии
и начальственный вид потерялись-испарились. Неумная веселость разоб-
рала, не может Назаров сдерживать смеха: «Жив же! Значит, еще рановато
мне помирать! Значит, еще не судьба! И охота моя будет продолжаться!..»

— Что, танцуем?! Отхватил утку?! Радости-то полные штаны?! — бес-
порядочно прыгающий охотник вдруг услышал резкий отрезвляющий
голос.

Стопорнулся Ефим Петрович, выпрямился, первым делом на небо
посмотрел, руки по швам, словно новобранец на призывной комиссии,
вдохнул воздух, а выдыхать не торопится: «Это же какое будет оконча-
тельное высокое заключение?»

А между тем из-за кустов поднялся известный в местной охотничьей
среде инспектор охотнадзора Юрий Максимович Звонов.

«Вот блин, нарисовался! И как здесь оказался? Район, считай, поболь-
ше иного европейского государства. Тут браконьера вычислить — ника-
кой Мегрэ не справится! Вот же прозорливая должность, нюхач, будто сле-
дил и специально на выстрел пожаловал. А как по-другому могли пере-
сечься наши дорожки?» — переведя взгляд на конкретного человека, в
сердцах успел подумать Назаров.

Юрия Звонова охотники побаивались. Говорили про инспектора раз-

ное, но больше уважительное: «Звонов излишне принципиален, даже крут! Браконьерам спуску не дает, за малейшее нарушение наказывает по полной программе, не делает скидку на чины и звания. Имеет Звонов непревзойденное качество — появляться в неурочный для браконьера час и брать его врасплох с поличным...»

Ефим Петрович знал Звонова шапочно. Были они с инспектором ровесниками. Кивали головами при встрече в городе. Сталкивались и в лесных угодьях. И хоть грешков за Назаровым до сего дня не водилось, но Звонов всегда тщательно проверял наличие документов, охотничий билет, путевку, трофеи. Благодарил за ответственное отношение, давал инструкции...

— Ефим Петрович Назаров, ты, что ли? — установив личность нарушителя, удивился инспектор. — Знаешь же, что запрет. Не ожидал я тебя так застать!

— Не удержался, Юрий Максимович... Заделался браконьером на старости лет... — замямлил Назаров, засуетился-заоправдывался: — Лез этот селезень не ко времени, мешал как бы... А там уже пара сложилась...

— Ты бы оделся, Ефим Петрович, — напомнил инспектор.

Спихнулся Назаров, позабыл, что раздет, заругал себя: «Вот же глупейшая ситуация и позоруха! Хоть сквозь землю провалиться! Стыдоба!» Заторопился, ноги в гачи не попадают, потерял равновесие, шлепнулся на землю. Поднялся, натянул кое-как штаны. За рубашку принялся, а там вдруг пуговицы оказались какие-то неправильные — никак не застегиваются. Путается в одеждах Ефим Петрович, неловко ему за свою неуклюжесть и от той ситуации, в которую попал.

— Мы же как бы не должны! Мы же пример. Молодежь подрастает. Понимаешь: куда тебя качнуло? — без особого воодушевления между тем гнул свою линию, нравучительствовал Звонов.

Перебрал сегодня Ефим Петрович с каверзами судьбы, встряхнуло его перипетиями дня не раз, и последние слова Звонова были каким-то пределом для его душевного равновесия. Завелся вдруг охотник с пол-оборота. Чуть штаны опять не спали, ткнул пальцем ввысь, указывая на небо:

— Им-то и то вольготней! Птицам! — распалился-разгорячился. — И так хреново! Подрезали крылья! А ты еще тут объявился! Учитель! Ну, суди меня! Казни! Давай!..

Звонов за слово в карман не полез, мигом нашелся:

— Выходит, я виноват, что тебя встретил! Я, как-никак, службу свою выполняю! А тебе, получается, и слова не скажи! При желании все, что угодно, можно оправдать.

Обменявшись уколами-любезностями, словами-нокаутами, ушли мужики в молчанку, искоса друг на друга поглядывая.

Немного погодя, зашарил Звонов за пазухой, нащупывая пачку сигарет, поинтересовался:

— Куришь, Ефим Петрович?

— По молодости баловался, а сейчас нету тяги, — отказался от перекура Назаров.

— А я вот никак не брошу. Сколько раз уже зарекался! И врачи советуют завязать, — неожиданно разоткровенничался инспектор, усаживаясь на ближайшую полусгнившую валежину.

Ефим Петрович помедлил и пристроился по соседству.

Звонов выкурил одну сигарету, полез за второй. Разговор как-то не завязывался, не находил точек соприкосновения. Назаров, посчитав необходимым разрешить ситуацию, предложил:

— Ты уж извини, Юрий Максимыч. Погорячился. Полкана понапрасну спустил. Составляй свой протокол! Ты при исполнении. Чего там тянуть.

Звонов ответил не сразу, подбирая нужные слова, выдержал минутную паузу:

— Думаешь, я солдафон бездушный?.. Бумаги эти плодить! Их и так уже много развелось. От новой порядка больше не будет.

Деловито и сосредоточено затягивался полной грудью Звонов, будто дым пускато колечками — это на сегодня и есть его главное инспекторское занятие. Видно, переборщив, вдохнув никотина больше нормы, закашлялся Юрий Максимович...

Сидели мужики, и всякие виновные мысли лезли им в головы. Было охотникам на ровном месте в привычном лесу неловко и муторно. Одному — от того, что не сдержался, нарушил запрет на охоту. Другому — что впервые не исполняет должностные инструкции, и хоть увольняйте, а не будет он сочинять казенную бумажку-клязу на сотоварища. Разные головы, а мысли одни. Совушки неразумные...

Не особо прячась от старых охотников, устраивали в тальниковых закромах уютное гнездышко пестрые камышовки. В ближайшей болотинке, стараясь перекричать друг друга, бляели молодыми барашками пучеглазые лягушки. Откуда-то с речки с большим наслаждением насвистывали самую простецкую мелодию чирки. Впитывая в себя живительные земные соки, колобродил-звенел северный лес...

— Ого-го-го-го-го-о-о-о-о!.. — из-под небесного купола раздался бодрый, отрезвляющий и призывной крик вольных птиц.

Охотники, как по команде, подняли головы. Улыбки сами по себе, не спросясь, заиграли, осветили прежде смурые лица.

Бездонную синеву неба, курлыкая и хороводясь, мерил-пересекал многоголосый караван птиц.

МЫГАЙСКИЕ УТКИ

Как и положено после «пих-пах» страстей, когда охотники уже порядком (большим делом понапрасну) нажгли пороху, после вечерней зорьки отважные стреляльщики обязательно подтягиваются к общему костру. К ним — к этим важным посиделкам-беседам (кто знает, может, и самым главным в охотничьем деле) — втайне стремится любая, хоть немного связанная с промысловыми стихиями душа. И даже если надсажены за день и гудят неподъемные ноги, промозгли в болотах и туманах все до самого малого суставчики, ни один настоящий охотник не простит себе потом, если он, пусть даже шатаясь от усталости, как «привидение», да хоть бы и на карачках, не «выползет» к костру в общий круг за «вещим» словом, на покаяние...

Слово за слово, укрепившись в мыслях и заразившись общим настроением, призывая в свидетели хоть обветшалый скрадок, хоть самую захудалую болотную кочку, охотники начинают самые откровенные разговоры. «Чуток» сочинить-прихвастнуть не считается дурным тоном, а наоборот только поднимает авторитет охотника.

И даже при явном врале остальные, ранее высказавшиеся, не реагируют возмущенно на небывальщину, не пытаются категорически опровергать повествователя (ведь и у самих уже рыльце в пушку), лишь отпуска-

ют подначивающие реплики и в свою очередь копят силы, стараясь уже к следующей своей истории добавить такого происшествия, такого исключительного момента и непревзойденного случая, чтобы всех сотоварищей по увлечению проняло до самых печенок. Рассказы у костров складываются один занимательнее другого, да такие, что даже великие сказочники, как тот же Шарль Перро, доведись им оказаться среди русских охотников, старались бы, достав блокнот и карандаш, не пропустить ни слова у охотничьего костра, каких во множестве разбросано по болотно-озерным российским просторам. Наверняка позаимствовали бы дюжину-другую сюжетов для своих будущих книжек.

На последнюю весеннюю охоту в залив Рейнеке Охотского моря я попал прицепом и, кроме приятеля — Виктора Лагуткина, кто позвал меня в дорогу, — с другими охотниками был знаком шапочно, а то и вовсе пересекался впервые. Пара кряковых и чирок были не ахти какие трофеи на первой вечерней зорьке и, рассчитывая в дальнейшем на больший успех, принял я дополнительные меры по маскировке скрадка. И потому приподнялся к вечернему костру, над которым к моему приходу уже готовился в закопченном ведре чай, а основное утиное блюдо шло на ура — на прокорм. Вокруг костра свободно сидело или полулежало около десятка охотников. Высыпав свои съестные припасы на сооруженный из подручного материала общий стол, и так ломившийся от всевозможных закусок, тут же нарвался я на штрафную порцию горячительного. Черпанув половником шурпы из ведра и настраиваясь на долгие посиделки, выбрал место на одной из просоленных коряжин, выброшенных на берег морскими приливами, и специально подтащенной к костру.

Разговор шел своим чередом, без заранее составленного сценария. После дружного смеха в оценку предыдущей забавной истории, у которой я, к сожалению, зацепил лишь самый хвост, как бы само собой настала очередь другого охотника.

Он сидел на чураке неподалеку от меня и при свете, исходящем от костра, я хорошо рассмотрел его. В разговор вклинился пожилой охотник обычной для его возраста умеренной полноты, в чью уважаемые годы уже взяты и Крым, и Рим, но еще остался порох в пороховницах, с открытым добродушным лицом, по которому вольно расплзлись морщинки, и мичуринской картошкой топырился мясистый нос с большими ноздрями. Одет охотник был в разномастную походную одежду, познавшую со своим хозяином радость многих таежных зорь, домашней вязки серой шапкой на голове, из-под которой выбивались сплошь седые волосы. Как мне показалось, пожилой охотник успел слегка перебрать горячительного, о чем говорила излишняя эмоциональность речи, что в итоге не мешало рассказу, а только подчеркивало его исключительность.

— А утки у нас на Мыгае, я вам скажу! Знаете какие?! Как ни крути — настоящий утиный рай! Таких мест больше нигде не сыщете! Нигде! Пролет по весне на заглядение. Прет и прет птица без устали! От взмахов крыльев нескончаемых гусиных клиньев овекает ветерком редкого охотника. Чернети, морянок, каменушек, чирков в устье — не сосчитать! Выбирай птицу, какую хош! Одна на другой сидят — места им не хватает! А селезни — все, без исключения, зычные, нарядные! Крякыши — красавцы — как на подбор, и каждый — размером с доброго гуся! Река Мыгай питается от чистейших родников, вода в ней мягкая, настоящая

на травах, живительная, сахарная на вкус, черпай прямиком рукой из речки и пей — не напьешься...

Конечно, на трезвый ум все это мыгайское изобилие могло показать-ся полной фантастикой. Получалось, что всего-то тут, недалече, в каких-то пятидесяти километрах напрямки от города сохранился необычный охотничий оазис, где изобилует богатая растительность, переполнены рыбой реки, утки достигают невиданных размеров, да и всякой прочей «пернато-копытной живности» по распадкам и релкам «кишит измере-но». Но рассказчик так вдохновенно и так искренне расхваливал неизвест-ный ему Мыгайский край, так убаюкивал слух, что хотелось его слушать и слушать — и вдобавок хотелось верить, чтобы было так на самом деле, как он рассказывает...

— Кузьмич, давай крикнем по махонькой за Мыгай! — окликнул по-жилого охотника один из слушателей.

Прерванный на полуслове ревнитель Мыгайских мест замешкался, тень сомнения пробежала по лицу Кузьмича, отчего-то он виновато гля-нул на товарища, наконец кивнул головой, дал добро: наливай.

После недолгого антракта с тостами за прекрасные охотничьи места и будущие великие охоты, с обязательным бренчанием посуды — тянув-шихся в общий круг разнокалиберных емкостей, — объявился другой бай-щик — невыдающегося роста худощавый мужичок лет сорока-сорока пяти, суетливый, то и дело подбрасывающий в костер дровишки и актив-но помогающий себе в рассказе жестикуляцией рук; облаченный с неким выпендрежем в не растерявший красок камуфляжный костюм, напичкан-ный всевозможными карманами на липучках и застежках; в берцах на толстой подошве с клепками по бортам, которые, отражая пламя ко-стра, сверкали, как стразы, и пижонистой фирменной шапке «маден не наша» при кожаном козырьке с завернутыми кверху ушами на меху.

— Утиная зорька — это же классика мировой охоты! Только вот вы на Дальнем Востоке в основном без подсадных охотитесь. А ведь это боль-шая промашка в охотничьем деле! — пижонистый рассказчик взял изна-чально несколько поучительный тон, сдвинул теплую шапку до предела на затылок, обнаружив высокий взмокший сократовский лоб, течению правильных мыслей в котором, по-видимому, мешали излишние давящие тяжести.

— Из многовершинских. Инженер заезжий. Работает по контракту у золотарей. Эдиком звать, фамилии точно не помню, — кратко вполголо-са обрисовал рассказчика Виктор Лагуткин, подходивший стрельнуть у меня сигарету.

— Но, заверяю вас, — между тем продолжил заезжий охотник, — подсадная подсадной — рознь! Есть утки — и раскричатся они, и раскла-няются, а толку мало, все впустую. Другая же подсадная крикнет разок, встрепыхнет крылышками, и к ней селезени валом. Ей кавалер всегда предпочтение отдает! Была у меня одна такая подсадная, а приобрел ее с оказией.

Тогда по делам фирмы пять лет работал я под Нижним Новгородом. Работа не бей лежачего, и деньги хорошие на карман шли, причем в ва-люте. Времени свободного много было, и по весне обязательно выбирался я на охоту. Проезжая через одну из тамошних деревушек, купил с okazji за бутылку утку у спившегося мужика. Семеновной тот ее называл. Уж он ее расхваливал, клялся, что от сердца отрывает, и если бы не обстоя-тельства, то в жизнь не продал. Обещал баснословные охоты, просил до-

бавить хотя бы на пузырь. Но я больше не дал, я таксу для всяких забулдыг знаю. И угадал — попал точно в десятку! Отохотившись по весне, спрашивал Семеновну на постой к бабке на окраину Нижнего в частный сектор, приплачивая сущие копейки на содержание. Зато по весне! Эх, Семеновну бы сюда! Совсем другой был бы расклад!

Она из себя на первый взгляд — ничего особо примечательного — обычная, даже щупленькая, пестрая, с вытянутой шеей и черной головой. Но на селезней действовала неотразимо, за километр их чувствовала. Квачкала Семеновна звонко, с хрипотцой. А на осадку прокричит, словно магнитом на себя потянет. Селезней всех пород вокруг себя собирала: и крякв, и гоголей, и чирков.

— На русскую криковую семеновской породы похожа! Чубарая к тому же, — не сдержался, прокомментировал кто-то из слушателей, знающий толк в подсадных.

— В общем, брал я на весенней охоте дичи, сколько хотел! Хоть мешок, хоть два!

— Ага, два мешка! Эдик, ты еще скажи, кузов грузовика уткой доверху забивал! — подначил кто-то рассказчика.

— Мог бы и грузовик! Но куда столько? Все равно всю утку не съедал, собакам скармливал, — не моргнув глазом, заявил Эдик и, недовольный отсутствием достойной восторженной реакцией охотничьего круга, принялся вспоминать самые исключительные моменты из жизни Семеновны:

— Селезни за моей подсадной гурьбой ходили, в женихи набивались! Да что селезни! Бабка рассказывала: стоило Семеновне во дворе показаться, петух соседский свой гарем бросал и бежал к ней галопом. Круги нарезал, кукарекал, клинья подбивал! Гусаки и те, жмуря глаза, шеи вытягивали в ее сторону! Пес — миска побоку и, высунув язык, бдительно наблюдал за Семеновной, когда она вперевалочку мимо конуры прогуливалась...

— Чего же не привез ее на Амур? Хоть бы разок глянуть на эту знатную утку! Вдруг и я к ней чувства испытал бы! Смотришь, и сам закрикал! — вставил реплику один из острословов-охотников.

— Стрельнул я ее... — неожиданно заявил Эдик. — Целый табунок во время охоты сел вокруг Семеновны, и я не удержался. Стрельнул дуплетом. Могла бы нырнуть Семеновна, но не нырнула. Но на то она и утка... Что ее жалеть?.. — На последних словах рассказчик закашлялся: вроде как дым от костра обильно зачадил напрямиком на него.

Эдик пересел на новое место, но причудливый ветерок, словно специально, изменив направление, снова настырно погнал дым в сторону губителя удивительной утки.

Неприятный осадок остался от рассказа пижонистого охотника. Морали взрослому дяде читать уже поздно, судить-казнить бы Эдика немедленно, да нет таких полномочий, да и шут с ним, как аукнется, так и откликнется, бог ему судья.

Нужна была срочно история, которая оправдала бы перед звездным небом охотничью братию. Но вышло у костра какое-то замешательство. А так как желающих не находилось, слово вновь взял опытный Кузьмич. Был он уже явно навеселе, но говорил, как и прежде, с большим вдохновением:

— А утки у нас на Мыгае! Нигде таких нет! Охота небывалая! Как от-

горят весенние охотничьи зори, все лето звонко поют таежные гимны ручьи! К августу небо опрокидывается на землю и вся округа в синеве — спят глаза черничники-голубичники! По осени у озер по мховым болотам на каждой сажени по доброй корзине клюквы рассыпано. Рябчик-дикуша человека не сторонится, на плечи садится. Вся тайга в червонных соболях! Рыбе в реке тесно. Горбуше и кете для нереста места не хватает. Медведицы на таких хлебах не меньше трех медвежат выводят...

— Эх, побывать бы у тебя, Кузьмич! Организуй командировку? Махнул бы, не задумываясь! — соблазنيвшись райскими охотничьими угодьями, не удержался один из слушателей.

Эта реплика произвела неожиданное впечатление на мыгайского охотника. Он резковато дернул голову в сторону напрашивающегося в гости, посмотрел на него необычными для его солидного возраста, по-детски наивными глазами, что-то попытался виновато ответить, но только было видно движение извиняющихся губ. Кузьмич свесил голову, скуксился, замолчал.

«Ну, мало ли, как видно, дало о себе знать выпитое», — первое, что подумал я.

Однако Кузьмич свое дело сделал, добрый почин был подхвачен, и все переключились на нового рассказчика.

— А у меня тоже подсадная была! — ввязался в разговор долговязый охотник лет тридцати, с продолговатым лицом, по-гоголевски вытянутым носом и каким-то особым круглым разрезом все время удивленных глаз, в куртке-маломерке, скорее всего, с чужого плеча, из рукавов которой чуть ли не по локоть торчали худющие руки в облегающем тельнике. Скромность одежда охотника скрашивала сдвинутая с большой лихостью набок кепка с затертым фирменным знаком. Видно, спиртное и тут сделало свое дело, развязало неожиданно язык. А назвался груздем — полезай в кузов!

— И куда она подевалась, Витек? Криковая твоя? — до поры не воспринимая всерьез нового рассказчика, все же помог ему наводящим вопросом кто-то из слушателей.

Витек на несколько секунд задумался, подбирая слова, с каких бы было удобнее продолжить рассказ (а то и сочиняя на ходу), а затем смело, жизнеутверждающе заявил:

— Пришлось расстаться с ней! А все потому, что есть среди птиц настоящая любовь! И не просто любовь, а любовь с первого взгляда! И я тому прямой свидетель, — Виктор сделал небольшую передышку и, воодушевленный общим вниманием, продолжил:

— Две весны удачно отохотился я на одном таежном озере с подсадной. От добра добра не ищут — и в третью весну приехал на добычливое место. Пустил подсадную как всегда. Пробковый кружочек островком на воде закрепил для птичьего отдыха. Затаился в скрадке, изготовился. Но против прежнего сезона, не было плотного лета утки. Через час немного поодаль от подсадной две кряквы сели на воду, но селезней среди них не было. Заскучал от безделья. Уже и дремать стал... И вот он, первый, долгожданный, объявился, летит, побрякивая. Подсадная заприметила его и заголосила на осадку. Я ждать не стал, вдруг селезень подвох обнаружит, и влет ударил, но промахнулся. Утки дикие снялись, и селезню бы за ними, а он покружил, и опять к подсадной намылился. Второй выстрел второпях сделал и опять промахнулся! Пока перезаряжал ружье, а

селезень уже к криковой спикировал. Прилетел, и все тут! Рядом с уткой ухажером крутится, никак больше не выстрелишь, чтобы криковую не задеть. Ну, думаю, возьму тебя на испуг и на взлете достану. Вылез из скрадка. Не тут-то было. Селезень на меня ноль внимания. У него все мысли уткой заняты. И все — хана охоте! Сложилась парочка — гусь да гагарочка! Решил разлучить я эту пару. Пошел доставать утку. А подсадная раскричалась — спасу нет, изо всех сил дергается в сторону селезня! Пока подтягивал подсадную, селезень тут же — мешается, заступается, за руки норовит меня ушипнуть. Я — к берегу, а дикий селезень — за мной! Прячу утку под куртку, голову не даю высунуть. С глаз долой — из сердца вон. Но подсадная не может успокоиться, трепещется, вырывается! Селезень все так же рядом, чуть ли не за штаны меня хватает, требует отпустить утку! Не больше получаса прошло с их встречи, а так прикипели друг к другу.

— Ну, и ты чего, Витек? Стрельнул селезня? — спросил один из нетерпеливых слушателей.

— И мысли такой не возникло. Не знаю, что на меня нашло. Меланхолия какая-то. Вроде птицу стрелять приехал, а тут вон какие утиные страсти бушуют! Разжалобили они меня до не могу! Взял да и отпустил.

— Кого отпустил? — уточнили сразу у костра.

— Понятно кого, подсадную, — и глазом не моргнув, с серьезнейшим видом и с каким-то непоказным счастливым выражением лица пояснил Виктор. — Там же, на озере, они и загнездовались.

— А ты откуда знаешь? Что загнездовались? — явно увлеченный рассказанной историей, тут же поинтересовался один из охотников.

— Летом на щуку приезжал в то же место. И повстречал эту парочку влюбленных. У моей утки широкая белая отметина на шее, как ее не узнавать. Правда, недоверчивая чересчур стала. Одичала немного. Близо не подпускает. Но оно и понятно, нашему брату-охотнику доверять нельзя. К тому же материнский инстинкт сработал — утятки у нее вывелись. Четыре десятка. Плывут за маманей с папаней пушистыми писклявыми комочками...

Раздался дружный смех охотников, которые долго выжидали удобного случая, чтобы снять осадок от прошлого рассказа, от городских стрессов и нервотрепок, а теперь сообщая сорвались в юморное настроение.

— Вот, брат, дал! — высоко оценил рассказ один из смеющихся.

— Сразил наповал! «Меланхолия какая-то!» — смакуя пикантные подробности рассказа и тем самым раззадоривая веселье, отпустил реплику другой.

— Утка в одиночку выводок на крыло поднимает! Селезень свое дело сделал и ищи его свищи! А тут, видишь ли, папаня объявился! — как всегда в таких случаях бывает, нашелся среди охотников «профессор утиных наук», решил прояснить ситуацию.

— Откуда четыре десятка утят?! Ну десяток, ну полтора от силы! — отыскал свои смешинки и курьезы в рассказе «ассистент профессора».

— Не знаю. Может, прибудные?! От другой утки. Приемьши! — не давал попятную, отражал разительные контраргументы, упорно гнул свою линию Витек, чем провоцировал новые взрывы смеха. — А раз вместе они, утка и селезень, значит, была промеж них настоящая любовь!

Наивность и курьезность истории сразила охотников наповал и обеспечила рассказчику полное принятие в охотничье общество. Над живописным участком Охотоморья всю разгулялся заразительный смех,

больше похожий на гогот гусиной стаи, которая, перехитрив всех обладателей оружия, летит, когда охотники-простофили, покинув свои засидки и скрадки, отлеживаются на диванах у телевизоров, причем летит эта стая вкривь и вкось, объевшись забродившей лесной ягоды и похохатывая во всю глотку. И сам рассказчик, не став отбиваться от гогочущей стаи, устав строить серьезную гримасу, смеялся вместе со всеми.

Терпела-терпела, сотрясалась от хохота и содрогающихся тел, да и лопнула перемычина между древесными кряжами, опрокинув навзничь трех сидящих на ней охотников. Один из них, падая, случайно задел ведро с остатками чая и опрокинул. Но эти мелкие происшествия еще больше будоражили веселый охотничий клин, смело врезавшийся в повседневности и серости жизни.

— Я не переживу этого! — хватался за живот один особо смешливый и не сдержанный на веселые провокации охотник.

— Мужики, прошу вас, не надо больше! — просил милости другой, уставший смеяться...

Не скрывая своего восхищения, вспыхивал высокими языками костер. Ярко светили на небосклоне и перемигивались между собой звезды. Людской гогот еще перекатывался из стороны в сторону, когда неожиданно мне показалось, что в общий смех вкрались нотки печали, как будто кто-то плачет. Смех все же пошел на спад. И после недавнего веселья у костра стало необычно тихо...

Плакал мыгайский охотник. Причем было заметно, что он старается себя сдерживать, но какая-то внутренняя обида будоражила его изнутри и не давала покоя... Плакал Кузьмич как-то безысходно, навзрыд, всхлипывая по-детски беспомощно, будто обидели его незаслуженно и чрезмерно, через край, и каждая слеза — отражение светлой души.

— Кузьмич, ты чего? — не выдержал, подошел к нему товарищ, уселся рядом, попытался успокоить. — Вспомнил чего?

— Продали мыгайских уток! Со всеми потрохами! Нет Мыгая! Сначала лес вырубил. А теперь в верховьях речки прииск, а в устье рыбаки перегородили речку сетью. Сверху муть то и дело от золотодобытчиков плывет, а снизу рыбу на нерест не пускают. Врал я вам, мужики.

— Ты чего, Кузьмич! Да наплюй и забудь! Ты-то при чем?

— Я ни при чем, и ты ни при чем, и мы все ни при чем! Только нет больше Мыгая! И уток моих нет! Измахрали все! Был заповедник да не стало.

Старый охотник замолчал и опустил голову, похоже, уйдя в дремоту...

— Помоги, Кузьмич в осадок выпал, надо доварганить его до избышки! — слегка дотронувшись до плеча, попросил меня знакомый защитника Мыгая.

Мы довели пошатывающегося Кузьмича до избышки, уложили на нары, напарник накрыл его развернутым спальником. Старый охотник отключился быстро, но и сквозь сон то и дело всхлипывал, так и не сумев пересилить глубокую обиду и боль.

Товарищ Кузьмича поднес спичку к заранее подготовленной растопке в печи. Облизав березовую кору, пламя принялось скакать по сухим веточкам и щепе.

Мы вышли наружу, закурили. Напарник Кузьмича, не ища поддержки, взялся рассуждать вслух как бы с самим собой: «Сеть поперек нерестовой речки поставить для рыбозаготовителей нынче в порядке вещей. И добрались они до мест, куда в советские времена не пускали. И раньше

были браконьеры, но вне закона, по углам прятались, таились, а сейчас браконьерят на законных основаниях и на промышленных основах. Рыбзавод и тот придумали строить на речке, которая сама в состоянии восстанавливать свои рыбные запасы, а лосося на естественных нерестилищах воспроизводить в разы больше, чем на искусственных.

Золотодобытчиков развелось через край. Тут и там перемалывают сопки в груды безжизненных камней. После их деятельности несколько веков восстанавливаться нужно тайге. И все из-за придуманного богатства — золота. Не велика ли нагрузка на район? Здесь же люди живут. Хоть и охранные меры расхвалены и гарантирована полная безопасность золотодобытчиками, а жизнь показывает, что технических недоумений не избежать — не может все человек предусмотреть. И получается, мест чистых и нетронутых в районе уже, пожалуй, и не осталось. Кузьмич тот все понимает, на его глазах все эти превращения происходили. Вообще-то он кремень, не ожидал я от него, но, видно, держался, все в себе носил, да вот разбередило душу. А то, что Кузьмич рассказывал о былом изобилии, то все почти так и было, один в один. Но было, да быльем поросло. Вы уж простите нас, стариков, что не ко времени вспоминаем...»

Я вернулся к костру. Разговор за здоровье не клеился и потерял связующую нить. Мужики, еще недавно готовые отпустить шутку, ершисто уколоть, не в обиду, а ради куража, дружно поднять на смех, отмалчивались. Немного погодя охотники по одному, по двое начали расплзаться по местам ночевок. Выпив кружку чая и немного понаблюдав за игрой все понимающего, но медленно угасающего костра, засобирались на боковую и я.

